

осуществлялось сходом домохозяев, как правило, уравнительно по числу мужских душ и с периодическими переделами. Сохранялась круговая порука.

Как и предвидели воронежские дворяне, очень серьёзными оказались материальные потери частных землевладельцев. Утратив право на бесплатный труд крепостных, многие из них не смогли перестроить свои хозяйства и не выдержали экономических трудностей. К началу XX в. примерно 40% помещичьих земель было распродано. Большие потери дворянство понесло из-за роста социальной напряжённости в деревне. Массовые погромы барских усадеб во время революции 1905–1907 гг. поставили власть перед необходимостью «второго раскрепощения». Так именовался в ту пору аграрный курс правительства П.А. Столыпина, направленный на ликвидацию общинных порядков и приватизацию крестьянской наделной земли. Программа масштабного реформирования включала рациональное землеустройство, развитие просвещения, кооперации, агрономической и ветеринарной помощи, переселение крестьян на свободные земли за Уралом. За оставшиеся до начала мировой войны годы новое «раскрепощение» принесло ряд обнадёживающих результатов⁵³. Но для полной его реализации требовалось ещё немало времени. Однако, как показала жизнь, его уже не осталось.

⁵³ Карпачёв М.Д. Воронежская деревня в годы столыпинской земельной реформы // Русская провинция. Вып. 2. Воронеж. 1995. С. 5–23.

Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в.

Дмитрий Павлов

Russian military councilors in Korea and China in the late nineteenth century
Dmitry Pavlov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В исследовательской литературе уже подмечено, что в конце XIX – начале XX в. планы, а затем и действия на Дальнем Востоке российского военного и политического руководства укладывались в две модели, первая из которых была ориентирована на заведомо слабые Китай и Корею, а вторая – на Японию и западные великие державы. В одном случае речь шла об экспансии в той или иной форме, в другом – о борьбе за сферы влияния при одновременном стремлении обезопасить собственные территории и отстоять региональные интересы¹.

В историографии утвердилось мнение о том, что в середине 1890-х гг. в дальневосточной политике России почти безраздельно господствовал министр финансов С.Ю. Витте со своей программой экономического проникновения

© 2016 г. Д.Б. Павлов

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 15-01-00011.

¹ См.: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008. С. 9, 252.

в Китай — представление, которое отчасти «подогрел» сам Витте, утверждавший в своих широко известных мемуарах, будто в те годы в русском правительстве вопросами Дальнего Востока он занимался единолично². Однако на деле заметную активность в регионе в то время развернуло и российское военное ведомство, в недрах которого наряду с силовыми сценариями возникли и более изощрённые, комбинированные варианты дальневосточной политики, отчасти претворённые в жизнь. В их числе — военно-инструкторские начинания, которые один из современников и очевидцев метко назвал «неудавшимися мирными завоеваниями»³. Рассмотреть их призвана настоящая работа.

Русское военное инструкторство в странах Дальнего Востока нельзя назвать совершенно неизвестным историческим сюжетом. Ещё в 1910 г. подробные сведения о нём по материалам российских МИД и Военного министерства представил член Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны 1904–1905 гг. П.Н. Симанский, не рассматривавший, однако, эти планы в единстве. В отношении Китая он связывал их преимущественно с потребностями охраны КВЖД и занятого Россией Порт-Артура, а в Корее видел их цель лишь в устранении на полуострове японского влияния⁴. Немаловажно и то, что труд Симанского изначально был засекречен, напечатан всего в семи экземплярах⁵ и вплоть до переиздания в середине 1990-х гг.⁶ оставался известен очень узкому кругу исследователей.

Б.А. Романов в работе 1920-х гг. упомянул о русско-корейских переговорах середины 1880-х гг. по военно-инструкторскому вопросу, а в книге конца 1940-х гг. писал о готовности корейского монарха «передать военное и финансовое управление страной в руки русских» и о секретном русско-корейском соглашении 1896 г. по «введению русского военного инструктора»⁷. В диссертации В.П. Нихамина, основанной на документах АВПРИ, приведены отдельные факты из истории пребывания в Сеуле русских военных наставников⁸.

Среди зарубежных авторов об их деятельности писал американский исследователь Джордж Ленсен. Изучив документы американских, британских, французских, немецких, бельгийских и отчасти российских, японских, корейских дипломатических архивов (эта работа заняла у него около 30 лет), он со знанием дела проанализировал ход переговоров чрезвычайного корейского посла Мин Ён-хвана в Петербурге летом 1896 г., выяснив в этой связи намерения корейской стороны⁹. Характеризуя деятельность русских военных инструкторов, историк уделил особое внимание разногласиям, возникшим относительно её

² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. Л., 1924. С. 38–39.

³ Старый консул. Россия в Корее. История одного неудавшегося мирного завоевания. Из воспоминаний и переживаний свидетеля и очевидца // Возрождение. Париж, 1935. 11 апреля. С. 2.

⁴ Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч. I. СПб., 1910. С. 138–139, 214.

⁵ Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 41.

⁶ См.: Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / Под ред. В.А. Золотарёва и В.И. Шеремета. М., 1994.

⁷ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. Л., 1928. С. 8; он же. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895–1907. Л., 1947.

⁸ Нихамин В.П. Русско-японские отношения и Корея, 1894–1898 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1948.

⁹ Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. Vol. 2. Tallahassee, 1982. P. 648–674.

продолжительности и характера между центральными российскими ведомствами – военным и внешнеполитическим. Так же подробно он осветил проблему, связанную с манёврами русской дипломатии, нацеленными на то, чтобы, с одной стороны, предотвратить обострение отношений с Японией в связи с появлением в Корее русских военных наставников, а с другой – не допустить одновременного направления в Сеул аналогичных японских специалистов. В общем, Ленсен хорошо изучил дипломатическую подоплёку этого дела, но не связанные с ним планы верховного русского командования. Лишённый доступа к материалам профильных российских документальных коллекций, он вынужденно опустил этот вопрос, ограничившись кратким изложением российской программы реформирования корейских вооружённых сил.

Исследованием проблемы, касающейся русского военного инструкторства в Сеуле, занимались и южнокорейские учёные¹⁰. Однако, например, Пак Чон Хё сделал это в рамках подходов Симанского, Чой Док Кю пришёл к выводу, что наращивание русского военного присутствия в Корее стало следствием экономического проникновения России на полуостров, а Ким Чжон Хон, детально проанализировав её контакты с Японией по корейскому вопросу, ограничился упоминанием о русских военных инструкторах в Корее в контексте русско-японских и русско-корейских переговоров 1880-х–1890-х гг. Особую позицию занял Син Сен Квон. По его мнению, российский курс в отношении Кореи с момента установления дипломатических отношений между двумя странами и вплоть до начала Русско-японской войны представлял собой череду «непоследовательных временных мер, которые в строгом смысле слова вообще нельзя назвать политикой». Вместе с тем этот автор объявил «легендой» характерное для официальной японской и западной историографии указание на почти альтруистическое желание империи микадо «просветить и цивилизовать» «государство-отшельника» (*Hermit Kingdom*) как доминанту её политики на Корейском полуострове¹¹.

Профессор Токийского университета Вада Харуки, один из авторитетнейших зарубежных специалистов по русской истории, изучал интересующий нас сюжет в работе, посвящённой Русско-японской войне¹². Его книга вышла в свет на японском языке и доступна лишь ограниченному кругу читателей.

Другим иностранным исследователям деятельность русских военных инструкторов в Корее в 1896–1898 гг. либо представляется в искажённом свете, либо неизвестна вовсе. О ней не счёл нужным упомянуть даже бывший российский военный атташе в Японии генерал В.А. Яхонтов (служил в Приамурье с 1909 г.) в изданной в США обзорной работе, посвящённой политике России и СССР в странах Дальнего Востока¹³.

Чаще факт пребывания в Сеуле русских военных наставников отмечался мельком – для иллюстрации возникших в отношении Кореи экспансионистских планов Петербурга и его нежелания в силу этого исполнять взятые на себя обязательства перед Японией. Реформа корейских вооружённых сил, разрабо-

¹⁰ См.: Пак Чон Хё. Россия и Корея, 1895–1898. М., 1993; Чой Док Кю. Россия в Корее: 1893–1905 гг. (политика Министерства финансов и Морского министерства). СПб., 1996; Ким Чжон Хон. Русско-корейские дипломатические отношения в 1884–1904 гг. М., 2001.

¹¹ Synn Seung Kwon. The Russo-Japanese Rivalry over Korea, 1876–1904. Seoul, 1981. P. VIII–IX.

¹² Вада Х. Ничиро сэно, 1904–1905. Токио, 2010.

¹³ См.: Yakhontov V.A. Russia and the Soviet Union in the Far East. N.Y., 1931.

танная российской стороной, была показана исследователями как мера ситуативная и не соответствовавшая национальным интересам Кореи¹⁴.

Вслед за японским посланником в Сеуле тех лет Като Масуо зарубежные историки полагали, что армейская реформа по русским лекалам представляла собой реальную угрозу независимости королевства, «фактически отдавая Корею в руки России»¹⁵, причём деятельность японских или американских военных специалистов в Корее подобным образом не комментировалась и не оценивалась. Японский историк начала XX в. Асакава Киничи¹⁶, а за ним и англоязычные авторы делали упор на законном и оправданном нежелании и сеульских сановников, и обычных корейцев в целом терпеть как «агрессию» России, так и «навязанных им» русских военных советников¹⁷. Профессор Вашингтонского университета Дональд Тредгоулд без лишних объяснений утверждал, что «в 1898 г. корейский король внезапно и успешно положил конец статусу русского протектората, в который фактически превратилась его страна»¹⁸. По контрасту с Токио за официальным Петербургом в зарубежной историографии утвердилась репутация не только самого «ненасытного империалиста» на Дальнем Востоке¹⁹, но и оплота реакции, осознанно и последовательно шедшего по пути сохранения в странах региона отживших, архаичных порядков и институтов, что, в свою очередь, вызывало враждебное отношение к России тамошних прогрессистов²⁰. В таком расхожем и не вполне верном представлении, вероятно, и кроется причина отсутствия интереса у наших зарубежных коллег к деятельности русских военных реформаторов в государствах Дальнего Востока.

Современные российские исследователи изучали русско-корейские отношения конца XIX в. с широким привлечением архивных документов, но в своих комментариях и оценках нередко впадали в противоположную, по сравнению с зарубежными историками, крайность²¹. В их изложении направление

¹⁴ См.: *Eugene C.I. Kim, Han-Kyo Kim. Korea and the Politics of Imperialism 1876–1910. Berkeley; Los Angeles, 1967. P. 92, 94; Langer W.L. The Diplomacy of Imperialism. 1890–1902. N.Y., 1956. P. 407.* Без каких-либо комментариев этот авторитетный американский историк сообщил, что российский военный советник корейского короля вместе со своими помощниками создали не только батальон охраны монарха, но якобы и 4-тысячную корейскую армию. Различий в позициях российских МИД и военного ведомства в инструкторском вопросе он не уловил. Американский кореевед Андре Шмид, ничего не написав о деятельности русских военных инструкторов в Сеуле, ограничился глухим упоминанием о «попытках усиления армии» Кореи в 1897 г. (*Schmid A. Korea Between Empires, 1895–1919. N.Y., 2002. P. 29*).

¹⁵ Цит. по: *Lensen G.A. Op. cit. P. 660.*

¹⁶ *Asakawa K. The Russo-Japanese conflict. Its Causes and Issues. Cambridge, 1904. P. 268–270.*

¹⁷ См., например: *Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: Powers, Perceptions, and Primacy. Cambridge, 2003. P. 317–318.* При этом стремление «взять под свой контроль армию и правительство Кореи» эта американская исследовательница приписывает А.Н. Шпейеру, который осенью 1896 г. сменил К.И. Вебера на посту поверенного в делах в Сеуле.

¹⁸ *Treadgold D.W. Russia and the Far East // Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective / Ed. by I.J. Lederer. New Haven; London, 1962. P. 544.*

¹⁹ *Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895. P. 308.* Впрочем, здравомыслящие зарубежные историки признали, что в моральном плане русская дипломатия «была не хуже, но и не лучше западной» (*Vernadsky G. Foreword // Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective. P. VIII*).

²⁰ См., например: *Schimmelpenninck van der Oye D. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb, 2001. P. 160.*

²¹ Этого сумели избежать, пожалуй, лишь Е.В. Добычина, затронувшая проблему участия российских военных агентов в реализации рассматриваемых планов в Корее и Китае, а также И.В. Лукоянов, кратко рассмотревший деятельность русских военных инструкторов в Сеуле, главным образом для доказательства стремления корейского короля сохранить российское во-

русских военных специалистов в Сеул в середине 1890-х гг. — это проявление бескорыстного стремления Петербурга содействовать укреплению корейской обороноспособности. О тайных и далеко идущих замыслах русского военнополитического руководства они не упоминали и провал российской военной программы связывали исключительно с противодействием Японии и её ставленников в правящих кругах Кореи²².

В XIX в. Корея не имела регулярной армии. Её отсталое, малочисленное и вразнобой вооружённое войско иностранные наблюдатели без стеснения называли «сбродом» (*rabble*)²³. В королевстве не были известны такие привычные для армий развитых стран нормы, процедуры и учреждения, как законы о воинской повинности и мобилизации, военные бюджет и присяга, единообразно вооружённые, обмундированные и оснащённые рода войск, Генеральный штаб, военно-санитарная и интендантская службы, военно-учебные заведения, не говоря уже о современных арсеналах и оборонной промышленности. Военно-морского флота у *Hermit Kingdom* также не существовало. Созданию регулярной армии Кореи с привлечением иностранных военных советников сопутствовали драматические события внутривластной жизни королевства.

К поиску военной опоры извне правительство Кореи толкали разнообразные угрозы, которые в 1880-е гг. исходили преимущественно от Китая и Японии. Зимой 1884/85 г. король Коджон и его советник немец Пауль фон Мёллендорф секретно предложили русскому дипломату А.Н. Шпейеру, специально приехавшему из Токио, чтобы Россия взяла Корею под покровительство, высадила морской десант для охраны короля от китайских и японских посягательств и устроила военно-морскую базу в Ёнбилмане, либо в Сонджонмане (Вонсане) — по своему выбору. Но русское правительство, не желая портить отношений с Китаем и Японией, от такой комбинации отказалось.

Первому русскому постоянному дипломатическому представителю в Сеуле К.И. Веберу (он был назначен на этот пост в апреле 1885 г.) было поручено, прежде всего, противодействовать проискам в Корею других держав в интересах сохранения независимости королевства. В продолжение этой линии осенью 1886 г. Россия заключила с Китаем взаимное обязательство не менять существующего положения дел в Корею и совместно обеспечивать неприкосновенность её территории. Такого курса российское Министерство иностранных дел старалось придерживаться и в дальнейшем. «В наши виды никогда не входили корыстные или тем менее завоевательные замыслы.., — подчёркивал его глава гр. М.Н. Муравьёв в секретной инструкции А.И. Павлову, назначенному осенью 1898 г. поверенным в делах в Сеуле. — Независимое существование [Кореи] всего более может отвечать нашим интересам»²⁴. В том же ключе в

енное присутствие в своих владениях (Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке, 1895–1904 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 14–15; Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 256, 259, 265).

²² См.: Розалиев Ю.Н. Из истории русско-корейских отношений. М., 1998; Пак Б.Д. Россия и Корея. Изд. 2. М., 2004. С. 263–267, 270, 278–286; Пискулова Ю.Е. Русско-корейские отношения в середине XIX – начале XX в. М., 2004; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. Вторая, 1888–1897. М., 2004; и др.

²³ Именно так в частной переписке называл корейское войско британский генеральный консул в Сеуле Джордан (J.N. Jordan). Цит. по: Lensen G.A. Op. cit. P. 889.

²⁴ АВПРИ, ф. 191 (Миссия в Сеуле), оп. 768, д. 6, л. 103 об.–104.

1890-е гг. высказывалась и близкая к правительственным кругам русская периодическая печать²⁵.

Но превратить *Hermit Kingdom* в «азиатскую Бельгию» (т.е. в нейтральную страну, независимость и территориальную целостность которой гарантируют великие державы) не удалось, а обеспечить безопасность своей страны военными средствами Коджон был не в состоянии. Между тем, весной 1885 г. ситуация в регионе вновь обострилась. Возмутителем спокойствия выступила Англия, неожиданно захватившая порт Гамильтон на корейских островах Комундо. Сеул выразил протест по поводу этой акции, а Петербург усмотрел в ней стремление Великобритании, во-первых, упрочить своё влияние в Корее, а во-вторых, создать базу для будущего нападения на русский Дальний Восток. В результате русское правительство решило вернуться к недавним предложениям Коджона, о чём королю в мае 1885 г. сообщил тот же Шпейер.

Однако к тому времени при корейском дворе взяла верх проамериканская «партия» министра иностранных дел Ким Юн-сика. Мёллендорф был отстранён, место политического советника короля заполучил американец Оуэн Денни (Owen Denny). Шпейер покинул корейскую столицу ни с чем, и в 1888 г. в Сеул явились четверо американских военных специалистов во главе с генералом Уильямом Даем (William Dye). Увы, как впоследствии вынуждены были признать и сами корейцы (Мин Ён-хван), заокеанские инструкторы оказались «невеждами и пьяницами, смотревшими на свои обязанности лишь с точки зрения личной наживы», и создать современную армию в Корее им оказалось не под силу. Любопытно, что спустя несколько лет тот же американский генерал, будучи уже в отставке и живя в Сеуле на скромную пенсию от корейского короля, «не переставал повторять всем и каждому, что только от России Корея может ожидать спасения и поддержки во всех её начинаниях»²⁶.

В середине 1890-х гг. ведущие позиции на полуострове перешли к Японии, войска которой летом 1894 г. захватили королевский дворец и отстранили от власти корейское правительство; главой государства был провозглашён про-японски настроенный отец короля. К концу 1894 г. в ходе японо-китайской войны армия микадо заняла территорию всего королевства. Под флагом проведения реформ Токио направил в корейские правительственные учреждения 46 своих советников, 70 военным инструкторам было поручено создать и обучить 20-тысячное корейское войско. Однако уже на следующий год пришёлся пик политического влияния королевы Мин, открытой противницы Японии и сторонницы независимости Кореи, опиравшейся на Россию. В ночь на 8 октября 1895 г.²⁷ японо-корейский отряд под командой японского посланника в Сеуле генерала Миура Горо ворвался в королевский дворец, умиротворил сопротивлявшихся придворных и зарубил королеву. Затем японцы вынудили овдовевшего Коджона сформировать новое, ещё более прояпонское правительство, передав ему часть королевских полномочий; охрана его дворца была вверена обученным японцами корейским солдатам (*хуллёндэ*). Оказавшись фактически на положении пленника в собственном дворце и понимая, что в любой момент

²⁵ Подробнее см.: *Рыбачёнок И.С.* Дальневосточная политика России 90-х гг. XIX в. на страницах русских газет консервативного направления // *Внешняя политика России и общественное мнение*. М., 1998.

²⁶ РГВИА, ф. 448 (Коллекция «Корея»), оп. 1, д. 9, л. 33–33 об.

²⁷ Кроме специально оговорённых случаев, здесь и далее по тексту даты даются по новому стилю.

его тоже могут уничтожить, в ноябре 1895 г. Коджон секретно, через Вебера, вновь обратился к Николаю II с просьбой о русской вооружённой охране. Но в тогдашней обстановке сделать это было невозможно, не подвергая риску безопасность самого короля.

В январе 1896 г. Коджон, чья жизнь по-прежнему висела на волоске, через доверенных лиц в очередной раз обратился за помощью к русским дипломатам, а те, в свою очередь, ходатайствовали перед Петербургом о посылке в Сеул военного отряда, равного по силе японскому, который в тот момент насчитывал 800 солдат. Несмотря на сочувственную реакцию царя («Пора японцам дать отчёт в их безобразиях в Корее», – написал он на одной из дипломатических депеш²⁸), российское внешнеполитическое ведомство в масштабной военной помощи Корее отказало, но прямое указание своего монарха направить туда военный корабль оспорить не посмело. Утром 10 февраля 1896 г. в Чемульпо (ныне Инчхон) бросил якорь крейсер «Адмирал Корнилов» и высадил отряд моряков примерно в 100 человек с одним орудием. С этого момента Русскую миссию в Сеуле вплоть до её отъезда из Кореи в начале 1904 г. в связи с начавшейся Русско-японской войной охранял отряд в 100–120 матросов и казаков.

Незадолго перед тем, 2 февраля 1896 г., принц Ли Бом-джин тайно доставил русским дипломатам новую записку Коджона, которой король извещал о своём намерении в ближайшее время бежать из дворца в Русскую миссию. Подготовка к побегу заняла несколько дней, и ранним утром 11 февраля монарх и его наследник в одеждах простолудинов и в крытых женских носилках были доставлены доверенными слугами в здание Русской миссии, на втором этаже которой для них уже были приготовлены покои. Днём 11 февраля Коджон дал аудиенцию иностранным дипломатам, объяснив им мотивы своего поступка, а затем подписал воззвание к народу на тот же счёт и объявил о перестановках в кабинете министров – о замене прояпонских сановников деятелями прорусской ориентации. Вскоре из страны были удалены японские советники и инструкторы, а изменники-хуллёндэ расформированы.

Жители Сеула отнеслись к переезду короля сочувственно, а некоторые и с воодушевлением – корейские патриоты в этой связи ожидали наступления эры чисто национальной политики. Внешнюю охрану нового королевского пристанища взяли на себя корейские войска, устами военного министра Ли Юн-ёна заявившие верность престолу. Намеки на полутюремное житие Коджона в Русской миссии, имеющиеся в историографии, далеки от действительности. По описанию очевидцев, ему отвели две большие комнаты, «снабжённые такою обстановкою и такими удобствами, которых он, конечно, никогда не имел и не будет иметь в своём дворце»²⁹. Под охраной корейских полицейских, «толп» дворцовых слуг и отряда русских матросов он по собственному почину регулярно выезжал на религиозные церемонии либо с визитами к матери. Покинуть Русскую миссию король был волен в любой момент, но прожил здесь более года – до 20 февраля 1897 г. Во время своего торжественного переезда во вновь отстроенный дворец «король, увидев меня, – докладывал в Петербург русский военный советник, полковник Генштаба Д.В. Путята, – приказал остановить свой паланкин, а с тем и всю процессию и обратился ко мне с выражением

²⁸ АВПРИ, ф. 150 (Японский стол), оп. 493, д. 5, л. 61.

²⁹ Цит. по: Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 243.

горячей благодарности русскому правительству за оказанное в течение года гостеприимство в миссии»³⁰.

Ещё находясь в Русской миссии, Коджон через Вебера обратился к русскому правительству с очередной просьбой «назначить в Корею русского руководителя и советника в делах и русских инструкторов для устройства корейских войск»³¹. В апреле 1896 г. для изучения этого запроса в Петербурге под председательством начальника Главного штаба прошло совещание с участием наиболее компетентных и заинтересованных служащих этого ведомства – управляющего Военно-учёным комитетом и начальника Азиатской части Главного штаба, приамурского генерал-губернатора, а также офицеров-специалистов, включая бывшего военного атташе в Пекине и Токио полковника Путятю. Совещание постановило, что направление в Сеул военных инструкторов и проведение там военной реформы для России приобретёт смысл лишь в том случае, если параллельно корейское правительство приступит «к внутреннему устройству государства, развитию его материальных ресурсов, и внешняя политика Кореи получит устойчивое определённое (читай: пророссийское. – *Д.П.*) направление». А поскольку таких сведений в распоряжении военных не имелось, было решено отложить вопрос до получения заключения МИД и пока отправить в Корею лишь небольшую группу военных для подготовки и обучения батальона «туземной охранной стражи» короля³². О решениях совещания сразу проинформировали военного министра П.С. Ванновского и императора. В дальнейшем Николай II внимательно следил за практическим развитием этого дела, усиленно его направляя – о переписке по «инструкторскому» вопросу военный министр докладывал ему лично.

В истории русско-корейских отношений 1896–1897 гг. явились подлинно «медовым месяцем». Не случайно первое в истории Кореи посольство в Европу в мае 1896 г. было направлено именно в Россию – сначала на торжества по случаю коронации Николая II и императрицы в Москву, а затем – и на переговоры в Петербург. Из пяти блоков проблем, которые глава этой миссии Мин Ён-хван обсуждал в российском военном ведомстве и МИД, два важнейших касались военных вопросов. Согласно сказанному главой миссии, Коджон продолжал настаивать, чтобы Россия направила в его страну для обучения корейской пехоты своих военных инструкторов, а также военного советника при его персоне для создания интендантства, кавалерии (с ветеринарной службой), военного оркестра, сапёрных частей, новых жандармерии и полиции. Следующим пунктом значилось формирование корейской охраны короля, а на время подготовки гвардейских частей предполагалась передача этой функции русскому отряду численностью примерно в 200 штыков, который желательно было срочно направить в Сеул.

³⁰ РГВИА, ф. 448, оп. 1, д. 10, л. 37.

³¹ «Взоры всей Кореи и её короля, полные надежд, обращены на Россию, которую они считают единственной державой, способной оградить их короля и страну от ненавистного японского гнёта и режима. Король искренно и сердечно расположен к нам и желает так же, как и его народ, установления в стране русских законов и порядков и устройства своих войск по русскому образцу», – свидетельствовал в мае 1896 г. только что вернувшийся из Кореи полковник Генштаба В.П. Карнеев (Там же, ф. 400 (Главный штаб), оп. 4, д. 317, л. 4–9). По поручению главы Русской миссии в Сеуле этот же офицер, будучи в Корее, составил проект «устройства инструкторской части», который предполагал пятилетнюю командировку в Корею 70 русских военных (пехотинцев, кавалеристов, сапёров, артиллеристов, военных медиков). По расчётам Карнеева, общий расход русской казны на это мероприятие (не считая затрат на материальную часть – винтовки, орудия, кавалерийское имущество и т.д.) должен был составить порядка 200 тыс. руб.

³² Там же, ф. 448, оп. 1, д. 9, л. 1–4.

Сославшись на неизбежные международные осложнения в связи с появлением русских военных в королевском дворце, последний пункт Петербург вновь отклонил, но на посылку советника и военных инструкторов согласился³³. 27 июля 1896 г. (ст. ст.) по докладу военного министра Николай II утвердил Путятю главным военным советником корейского короля (с непосредственным подчинением Коджону) и одновременно руководителем группы русских инструкторов; в этом качестве ему вменялось «разработать соображения об организации корейской армии, применяясь к финансовым средствам Кореи и насущным её потребностям к обороне», и «о скорейшем устройстве телеграфа» между Сеулом и ближайшим к Корее русским населённым пунктом Новокиевское³⁴, о чём также ходатайствовал посланец Коджона. Вскоре Мин Ён-хван направил в русское Военное министерство официальное приглашение на годичную службу королю ещё двух русских строевых офицеров, капельмейстера, военного врача и 10 унтер-офицеров, в общей сложности – 14 военнослужащих³⁵. Заполнить вакансии русское военное ведомство должно было самостоятельно.

Получив заверения русского командования, что инструкторы будут направлены в Сеул без замедления, Мин Ён-хван вместе с Путятьей в начале августа выехал из Петербурга на Дальний Восток, где и были отобраны инструкторы. «С разрешения командующего войсками Приамурского военного округа, – доносил Путята в Петербург, – мною был произведён выбор среди унтер-офицеров 3-го и 10-го линейных батальонов, по преимуществу старших сроков службы, то есть из подлежащих в ближайшем времени увольнению в запас, но которые могли бы быть перечислены на сверхсрочную службу. Некоторые, независимо хорошей строевой подготовки, были выбраны за знание ими какого-либо мастерства»³⁶ – портняжного, столярного и т.д. Летом 1896 г. в Сеул был назначен и первый русский военный атташе, которым стал полковник Генштаба И.И. Стрельбицкий³⁷.

В конце сентября 1896 г. «русская военная миссия», как её потом называли корейцы, выехала из Хабаровска во Владивосток. Здесь инструкторы погрузились на канонерскую лодку «Гремящий», на борту которой их уже ждала возвращавшаяся домой делегация Мин Ён-хвана, и в ночь на 16 октября отправились в Корею. Совершенно не представляя, как их встретят в Сеуле, и что вообще их там ждёт, русские офицеры взяли с собой не только запас одежды, продовольствия, стрелкового оружия и патронов, но даже палатки и лопаты.

Между тем в Корее их с нетерпением дожидались, причём на самом высоком уровне. 21 октября 1896 г. на пристани Чемульпо «русскую военную миссию» встретили посланник Вебер, военный атташе Стрельбицкий и сопровождали в Сеул. Инструкторы ехали на телегах, а Путятю, Стрельбицкого и Вебера несли в королевских носилках, специально присланных министром двора. У переправы через реку Хан близ деревни Риенг-сан русских военных приветствовал

³³ Там же, л. 8.

³⁴ Там же, л. 13–13 об.

³⁵ Там же, л. 51.

³⁶ Там же, л. 21–22. Капельмейстер в Корею послан не был «по невозможности найти такового в Восточной Сибири» (Там же, л. 51).

³⁷ Подробнее о его деятельности на этом посту см.: Добычина Е.В. «О происках Токио в Корее на рубеже XIX–XX вв. исправно докладывал в Санкт-Петербург Генерального штаба подполковник И.И. Стрельбицкий» // Военно-исторический журнал. 2004. № 3; Павлов Д.Б., Павлова Н.Н. Полковник И.И. Стрельбицкий – первый русский «военный агент» в Корее // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5.

выехавший им навстречу корейский кабинет министров в полном составе и старшие сановники королевства. В Сеуле инструкторам выделили просторный дом, который прежде занимали американские советники. По описанию Путяты, вселение его подопечных происходило в присутствии «громадной толпы любопытных, державших себя весьма почтительно и усматривавших в прибытии русских событие первостепенной важности, начало новой эры для Кореи. Все ближайшие к дому улицы и переулки были запружены народом, который не расходился до глубокой ночи»³⁸. Приняв русских военных на следующий день, Коджон согласился сформировать правительственную комиссию во главе с Путятой для разработки программы грядущих военных реформ в королевстве.

Анализ состояния дел привёл Путяту к заключению, что «продолжительное заведывание корейскими вооружёнными силами американцев и японцев не оставило никаких видимых следов» и в «нынешней корейской армии нет, в сущности, ни одного обученного солдата, ни одного офицера»; в общем, дело военного строительства королевства следовало начинать «буквально с самого начала»³⁹. Оборонные потребности Кореи русский военный советник выводил из того, что нападение на неё с суши было маловероятно: Россия традиционно миролюбива, а Китай «совершенно бессилен». Следовательно, опасаться следовало лишь атаки с моря — со стороны Японии, причём наиболее вероятной оказывалась высадка её 30-тысячного десанта, для успешной борьбы с которым Корее требовалось регулярное 40-тысячное войско. Таким образом, армия мирного времени должна была насчитывать 6–7 тыс. солдат — такого количества, замечал Путята, достаточно и для поддержания «внутреннего порядка» в неспокойном королевстве⁴⁰. Так появилась базовая цифра для всех последующих военных планов и расчётов. Для подготовки и обучения такого количества солдат Путята предлагал дополнительно направить инструкторами в Сеул 160 русских военных специалистов, включая 29 офицеров.

По мысли русского военного эксперта, в составе корейской армии, кроме пехоты, было необходимо сформировать и обучить артиллерийские, кавалерийские и инженерные части, последние — специально для возведения береговых укреплений. По оценке Путяты, для качественной подготовки такого войска, оснащения его современным оружием и создания необходимой военной инфраструктуры требовалось не менее трёх лет с выделением на эти цели четвертой части всех доходов королевства. Одновременно, настаивал полковник, под руководством русского финансового советника нужно было приступить к реформированию финансовой системы Кореи. Вскоре из Сеула в Петербург была направлена соответствующая просьба⁴¹. «Ходатайство корейского правительства об оказании содействия в устройстве финансовой системы королевства и его вооружённых сил, — заключал Путята, — предоставляет нам, по-видимому, тот способ к укреплению нашего влияния на Дальнем Востоке, который служит лучшей формой обеспечения наших собственных окраин»⁴².

³⁸ РГВИА, ф. 448, оп. 1, д. 9, л. 25–25 об.

³⁹ Там же, л. 142, 146.

⁴⁰ Там же, л. 141 об.–142.

⁴¹ Таким советником стал чиновник Министерства финансов К.А. Алексеев. Его назначение в Сеул состоялось в октябре 1897 г., и в январе 1898 г. он приступил к исполнению обязанностей — но лишь до весны того же года. Одним из результатов его недолгого заведывания финансами королевства явились 1.3 млн мексиканских долларов свободной наличности корейской казны — неслыханно много для её обычного состояния. Подробнее о его деятельности в Корее см.: *Симанский П.Н.* Указ. соч. С. 221–233; *Лукоянов И.В.* Указ. соч. С. 260–272.

⁴² РГВИА, ф. 448, оп. 1, д. 9, л. 141.

Помимо организации набора, обучения, перевооружения и боевой подготовки войск корейскому правительству, по его мнению, надлежало:

1) подготовить и издать общегосударственные законы — о мобилизации, воинской повинности, прохождении военной службы и снабжении войск;

2) модернизировать арсенал, артиллерийские склады, оружейный завод и мастерские, склады боеприпасов, амуниции и продовольствия, военный госпиталь; реорганизовать военное министерство по европейскому образцу, образовав и включив в его состав Генеральный штаб;

3) создать систему военно-учебных заведений как офицерских (кадетский корпус с 5-летним сроком подготовки и военное училище со сроком обучения в 2–3 года), так и унтер-офицерских (двухгодичная школа). Путята считал также целесообразным командировать в Россию за счёт русского правительства 30–40 молодых корейцев «из благородных фамилий» для практического изучения военного дела в различных родах войск и ознакомления с внутренними порядками русской армии.

Аналогичным способом предлагалось обеспечить и благоприятное для России решение проблемы корейского престолонаследия. Нынешний наследник престола физически и умственно слаб, секретно докладывал Путята Николаю II, и вряд ли процарствует долго. Потому, если бы России удалось убедить Коджона отправить на учёбу в какой-нибудь конный русский полк двоих наследных принцев, Ыхва («Вихуа», как его называл Путята) и Ичуниона (оба в тот момент учились за границей), то «можно было бы спокойно относиться к возможным в будущем переменам в замещительстве корейского престола»⁴³.

В дальнейшем Путята планировал охватить русским инструкторством и железнодорожное дело Кореи (создать и обучить корейские железнодорожные войска) с тем расчётом, чтобы страна была в состоянии самостоятельно, без участия иностранных специалистов, строить и эксплуатировать железные дороги на своей территории. Очевидно, это намерение также не противоречило национальным интересам Кореи; скорее, оно содержало некоторую угрозу планам «железнодорожного империализма» министра финансов Витте в странах Дальневосточного региона. В целом Путята имел в виду создание подконтрольной России и отвечавшей современным требованиям корейской армии с развитой инфраструктурой при сохранении государственной независимости королевства. В результате из потенциального японского плацдарма оно должно было превратиться в долговременного союзника России, способного прикрыть её дальневосточные территории с юга. Корейской независимости в юридическом смысле русский военный проект прямо не угрожал, но только до тех пор, пока Россию и Корею объединял антияпонский курс их внешней политики.

Развёрнутое определение военно-политических задач и перспектив инструкторского дела в Корее немного позднее дал посетивший страны Дальнего Востока весной–летом 1897 г. кавалергардский поручик кн. А.М. Волконский в записке в Главный штаб, которая благодаря содействию двоюродного брата царя вел. кн. Александра Михайловича⁴⁴ легла и на рабочий стол Николая II. В «широком развитии в Корее русского инструкторства согласно проекту полковника

⁴³ Там же, л. 35, 356 об.

⁴⁴ Передавая бумагу Волконского императору, великий князь от себя отметил, что автор записки «замечательно верно» понял и оценил наше положение на Востоке и наметил меры, которые необходимо теперь же, не теряя ни одной минуты, приводить в исполнение» (ГА РФ, ф. 543 (Коллекция документов Царскосельского дворца), оп. 1, д. 173, л. 28).

Путяты» Волконский увидел один из наиболее действенных способов «воспрепятствовать переходу Кореи в руки японцев». «В настоящее время, — писал он, — сеульский гарнизон весь находится под командой русских офицеров: это обеспечивает страну от всякого невыгодного для нас дворцового переворота и даёт возможность иметь короля на нашей стороне... Дальнейшее развитие инструкторства, перенесение его в провинцию, будет иметь огромное значение:

а) оно даст нам в мирное время полное военное господство в стране;

б) даст возможность изучить страну и знать положение дел несравненно полнее, чем это может быть сделано обычной военной или дипломатической агентурой;

в) обусловит возможность подготовить страну в военном отношении для наших целей. Средством к сему будет служить: 1) дислокация инструкторских войск соответственно возможным местам высадки японцев, 2) подготовка операционного пути для нашего Уссурийского отряда (улучшение дорог, устройство этапов, укреплений и пр.), 3) устройство при помощи войск нужных для нас дорог и телеграфных линий и их охранение;

г) в случае занятия нами порта, инструкторские войска облегчат его устройство и сухопутную его оборону»⁴⁵.

Итак, Волконский, а за его спиной и царский кузен стремились «встроить» в сущности мирный путятинский проект в планы военной экспансии России на Корейском полуострове ввиду, как им казалось, неизбежной войны России с Японией.

Среди других влиятельных, но менее воинственных сторонников инструкторских начинаний военного ведомства на Дальнем Востоке был посланник в Китае гр. А.П. Кассини. Подполковник гр. В.В. Муравьев-Амурский, выражая своё и Кассини мнение, писал в январе 1897 г. военному министру, что дальнейшее упрочение положения России в Корее и Китае «должно произойти на почве реорганизации вооружённых сил этих государств с помощью наших военных инструкторов». Однако «в Корее следует действовать более решительно и быстро, в Китае же с большою осторожностью, тщательно выбирая чинов, назначаемых в инструктора, и отправляя их понемногу и постепенно, чтобы не возбудить опасений китайского правительства и не испортить удачно начатого дела»⁴⁶.

В руководстве же дипломатического ведомства к масштабному русскому инструкторству на Дальнем Востоке относились с опасливым скепсисом и пытались его сократить или хотя бы притормозить. Министр гр. М.Н. Муравьев считал, что, с точки зрения отношений с Японией, посылка военных советников в Сеул «в данную минуту» «не вполне удобна», а «40-тысячный» план Путяты сильно раздут (хватило бы и 3 тыс. солдат) и для корейской казны заведомо непосилен. Впрочем, с тем, что «разрешение в положительном смысле вопроса о командировании наших инструкторов в Корею представляется весьма желательным как с точки зрения чисто военных интересов, так и особенно политических, являясь наиболее верным средством упрочить наше влияние в стране и тем закрепить тяготение последней к России», не решался спорить и он⁴⁷.

⁴⁵ РГВИА, ф. 165 (А.Н. Куропаткин), оп. 1, д. 449, л. 13–14. Записка кн. А.М. Волконского сохранилась в нескольких копиях и не раз опубликована с комментариями И.С. Рыбачёнок (Источник. Документы русской истории. 1995. № 5(18); URL: http://www.vostlit.info/Texts/Documenty/China/XIX/1880–1900/Volkonskij_A. Дата обращения: 26.11.2015 г.).

⁴⁶ РГВИА, ф. 448, оп. 1, д. 10, л. 21.

⁴⁷ Там же, д. 9, л. 72, 76, 78.

Тем не менее в инструкции посланнику в Токио (май 1897 г.) говорилось о намерении МИД «повременить несколько с принятием на себя переустройства корейских военных сил, предпочитая выждать последствий, кои повлечёт за собою возвращение корейского короля на жительство в свой дворец»⁴⁸. Ещё откровеннее собственное видение текущей российской политики на Дальнем Востоке Муравьев сформулировал в одном из писем военному министру: «Самым желательным для нас является сохранение на Крайнем Востоке мирного выжидательного положения, дабы не раздражать без надобности Японию»⁴⁹. Вот почему руководитель внешнеполитического ведомства распорядился приостановить дипломатические переговоры с сеульскими властями относительно участия России в реформировании корейских вооружённых сил, предписав новому посланнику в Токио барону Р.Р. Розену «устранять всякую возможность для какой бы то ни было другой державы вмешиваться в военные дела Кореи» — «это именно в настоящее время и должно составлять в данном вопросе главный предмет наших стараний»⁵⁰.

Немало противников путятинского проекта неожиданно обнаружилось и в самой Корее. Несмотря на многообещающее начало, его обсуждение и проведение в жизнь встретило большие сложности. Не на высоте положения оказался даже Мин Ён-хван, который ранее являлся главным сторонником реформирования корейских вооружённых сил в ближайшем окружении короля, а в 1896 г. был назначен военным министром. «К делу собственно военных реформ в королевстве Мин-Юн-Хуан относился до крайности апатично и в некоторой степени даже враждебно, рассчитывая держать короля в своих руках с помощью преданных себе лишь из партии военных мандаринов, облекшихся в мундир японского покроя»⁵¹, — так характеризовал его деятельность на министерском посту Путята.

В ходе состоявшегося во второй половине апреля 1897 г. обсуждения русского проекта в Государственном совете Кореи одни сановники, по сведениям Вебера, давали «уклончивый ответ, другие предложили удовольствоваться меньшим числом инструкторов»⁵²; третьи, добавлял Путята, «глупо повторяли прописную японскую формулу последнего времени о необходимости сплотиться всем народностям Востока, японцам, корейцам и китайцам, против западных рас, чуждых их религиозным и общественным идеалам»⁵³. В итоге 28 апреля после бурных дебатов инструкторский проект в предложенном Путятой объёме корейский Госсовет под предлогом финансовых затруднений отклонил. «[В] виду свободной наличности казначейства предлог фиктивный. Действительный [—] сопротивление мандаринов, опасаящихся усиления королевской власти, нашего влияния, также американские [и] английские советы, официальные представления японского посланника», — прокомментировал Стрельбицкий это решение в одной из телеграмм, отправленных в Петербург⁵⁴. 3 мая письмом посланнику Веберу корейский военный министр запросил новую «смену» из 21 русского военного инструктора, которые должны были приступить к работе

⁴⁸ Там же, л. 255 об.

⁴⁹ Там же, л. 238 об.

⁵⁰ Там же, л. 242.

⁵¹ Там же, л. 210.

⁵² АВПРИ, ф. 133 (Канцелярия министра), оп. 470, 1897 г., д. 100, л. 12, 17.

⁵³ РГВИА, ф. 448, оп. 1, д. 10, л. 112 об.

⁵⁴ Там же, д. 9, л. 231.

летом 1897 г.⁵⁵ – вместо 160, на которых настаивал Путята. Впрочем, другие параметры его проекта военной реформы в Корее министр подтвердил, что, как вскоре стало ясно, оказалось лишь формальностью.

Пока Путята занимался вопросами военного планирования, в первых числах ноября 1896 г. русские инструкторы приступили к практическим занятиям с корейскими солдатами, будущими охранниками короля. Учеников они отбирали сами из всех пяти батальонов сеульского гарнизона, причём желавших перейти во вновь набираемый гвардейский батальон, оказалось больше тысячи имевшихся там штатных мест⁵⁶. Главным критерием отбора было отсутствие у претендентов трахомы и малокровия, широко распространённых в тогдашней корейской армии. Русские уставы и наставления были переведены на корейский язык, в основу программы обучения положена русская инструкция для молодых солдат. Строевые команды отдавались только на русском языке – на этом специально настоял сам Коджон; то же относилось и к строевым песням⁵⁷.

Особенно умиляли русских очевидцев быстрота, с которой инструкторы преодолели языковой барьер в общении со своими подопечными, и прогресс в «обезбрюшивании» (выражение Путяты) корейских солдат. «Нисколько не смущаясь незнанием языка, – докладывал он, – унтер-офицеры давали объяснения по-русски, приучили понимать себя своих воспитанников и теперь уже редко обращаются с недовольными замечаниями вроде следующих: “Что ты немец, али русский?.. Разве не русским языком тебе говорят?.. Тебе говорят “закройсь”, а ты “к ноге”!.. На часах прстоишь без сроку!..” и проч.»⁵⁸. «Все команды записываются по-корейски, – вспоминали свои сеульские будни сами инструкторы. – ...Счёт заучили так: аты, ты-па, трли, четырли, пяти, сести, семи, посеми, тепяти, тесяти. Команды произносятся нижними чинами так: “симирино”, “полино” (польно), “папырапо”, “налепо”, “голопы пыше”, “руки паза”, но по этим командам исполняется всё как следует»⁵⁹.

Появление в Сеуле полковника Путяты с его подчинёнными, «прекрасно сложенными, одетыми в длинные серые шинели» одна свидетельница-англичанка восприняла как значимое событие в жизни всего Корейского королевства. «Они явились для того, – поясняла она, – чтобы обучить корейскую армию и привить ей навыки дисциплины, когда деятельность американского военного советника окончилась неудачей, а войска, обученные японцами, которые оказались мятежными и алчными, вместе со своими японскими инструкторами канули в небытие одновременно со всем прошлым режимом».

⁵⁵ Там же, л. 311–311 об.

⁵⁶ Массовую коррупцию в корейских войсках иллюстрирует такой факт: после проведённого отбора в «охранный» батальон корейский военный министр распорядился «положить печати (красной краской) на поясах шаровар выбранных людей, объясняя это тем, “чтобы не переменились с другими”, иначе говоря – чтобы не продали право быть учениками русских» (Русские инструкторы в Корее в 1896–1898 гг. / Сост. Афонасьев 1-й и Н. Грудзинский. Хабаровск, 1898. С. 16; *Lensen G.A.* Op. cit. P. 653).

⁵⁷ РГВИА, ф. 448, оп. 1, д. 10, л. 83–87 об.

⁵⁸ Там же, л. 105–106. (Всепопданнейший доклад военного министра по рапорту Путяты. С.-Петербург, 3 марта 1897 г. № 20, помета: «Государь Император с особым удовольствием изволил выслушать доклад о деятельности инструкторов в Корее и Высочайше повелеть соизволил объявить Высочайшее своё благоволение полковнику Путяте, поручику Афонасьеву, подпоручику Сикстелю и врачу Червинскому (не внося в приказ), а нижних чинов-инструкторов про-извести в фельдфебели и вахмистры по принадлежности. 4 марта 1897 года. Генерал-адъютант *Ванновский*».)

⁵⁹ Русские инструкторы в Корее... С. 18.

И далее с натуры: «Широколицые, крестьянского вида [русские] унтер-офицеры в своей разношенной, неуклюжей, но прочной форменной одежде и длинных сапогах всегда привлекали внимание толпы. Такой же новостью стал вид корейского кадетского корпуса в составе 37 юношей из хороших семей и семи офицеров, которые дважды в день под барабанный бой и с распущенными знаменами проходили маршем от корейского учебного плаца к дворцу Кьонгпок и далее к своим казармам позади Русской миссии. Эти молодые люди, которым под руководством русских офицеров предстоит в течение двух лет постигать военные науки, подчиняются суровой дисциплине... Сейчас армию составляют 4 300 солдат в Сеуле, 800 из которых готовят как телохранителей короля ...имеют на вооружении 300 берданок, полученных в подарок от России. Порядок обучения и команды – русские». «Очень вероятно, – проницательно заметила та же англичанка, – что сила, подготовленная и вооружённая Россией, привыкшая повиноваться русским командам и одушевлённая глубокой наследственной ненавистью к Японии, превратится для России в ценный *corps d'armee* в случае войны с этой амбициозной и неугомонной империей»⁶⁰.

Живую натурную зарисовку о работе русских военных инструкторов в Сеуле на страницах «С.-Петербургских ведомостей» в октябре 1897 г. поместил и кн. Волконский⁶¹.

Первый же смотр обученного русскими офицерами корейского «охранного» батальона, проведённый 28 мая 1897 г., привёл в восторг министров, придворных, присутствовавших французских и американских военных наблюдателей, а главное, короля, который убедился в отличной выучке своей новой охраны. Приморский военный губернатор генерал П.Ф. Унтербергер, тогда же посетивший Сеул, доложил в Петербург о «выдающихся» результатах работы русских инструкторов⁶² и лично их сфотографировал. Ещё раньше Приамурский военный округ получил приказ Петербурга безвозмездно передать Корее 3 тыс. винтовок Бердана с патронами⁶³.

Годичный срок пребывания первой «русской военной миссии» в Корее истёк, и, как было обещано корейскому военному ведомству, в июле 1897 г. в Сеул явилась вторая – в составе 13-ти офицеров и унтер-офицеров во главе с поручиком Лукьяном Афонасьевым (впоследствии их число было доведено до 27, включая 6 обер-офицеров). Однако их прибытие уже не сопровождалось прежними церемониями и торжествами, а деятельность – поддержкой местных властей⁶⁴. Между тем свои функции инструкторы выполняли не менее ревностно и успешно, чем их предшественники. Русский гвардейский полковник, не склонный захваливать своих армейских коллег, будучи в декабре 1897 г. проездом в Сеуле, донёс в Петербург, что ознакомился «с постановкой инструкторства и ведения хозяйства в 1 и 2 охранных батальонах» и побывал на занятиях. «Приходится только удивляться достигнутому успеху в такой корот-

⁶⁰ *Bishop I.L.B. Korea & Her Neighbours. A Narrative of Travel, with an Account of the Recent Vicissitudes and present position of the Country. In 2 vols. L., 1898. Vol. 2. P. 262–263, 264.*

⁶¹ *Волконский. Русские инструкторы в Корее // С.-Петербургские ведомости. 1897. 17(29) октября.*

⁶² РГВИА, ф. 448, оп. 1, д. 9, л. 336.

⁶³ АВПРИ, ф. 191, оп. 768, д. 34, л. 17.

⁶⁴ Ухищрения корейских военных властей, направленные на то, чтобы корейские ученики у русских военных на этот раз не появились, по воспоминаниям самих русских инструкторов описал Дж. Ленсен (*Lensen G.A. Op. cit. P. 673–674*).

кий срок», — рапортовал он в Главный штаб⁶⁵. Посетивший одновременно с ним Сеул адмирал Ф.В. Дубасов, правда, уточнил, что пока эти корейские батальоны «не представляют собою никакого военного значения», получив лишь «внешнюю выправку»⁶⁶.

В конечном счёте судьбу русского инструкторства и военной реформы в Корее предредила позиция короля и его ближайшего окружения. Убедившись, что отныне его охраняет преданный и хорошо обученный корейский отряд, Коджон потерял интерес и к русским инструкторам, и к преобразованию собственной армии (в этой связи характерна его нелепая просьба к упомянутому русскому гвардейскому полковнику за пару недель его пребывания в Сеуле «поучить кого-нибудь чему-нибудь кавалерийскому»). В очередной раз изменилась и расстановка придворных сил. Во вновь победившую «консервативно-аристократическую партию», сообщал Стрельбицкий, входили «противники расширения дела русского инструкторства в корейских войсках как из опасения усиления иноземного влияния, так и просто из-за нежелания видеть в руках короля сильное и послушное орудие его власти»⁶⁷. К концу 1897 г. под давлением великих держав (особенно Японии) и на фоне роста патриотических настроений в самом корейском обществе официальный Сеул окончательно охладел к деятельности русских военных наставников и финансового советника, о чём 12 марта 1898 г. и известил русскую сторону. По данным Син Сен Квона, заявление об отказе от их услуг Коджон написал по требованию и прямо под диктовку японского посланника М. Като⁶⁸.

Дабы не «потерять лицо», Петербургу ничего не оставалось, как тут же заявить об их отзыве. Одновременно и Стрельбицкий получил указание нового военного министра А.Н. Куропаткина впредь «воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние и политические дела Кореи»⁶⁹. Вскоре, 25 апреля 1898 г., барон Розен и японский министр иностранных дел Т. Нисси подписали протокол, согласно 2-му пункту которого Япония и Россия взаимно обязывались не принимать мер относительно назначения в Корею военных инструкторов или финансовых советников, «не придя предварительно ко взаимному соглашению по сему предмету». По «высочайшему повелению», 23 апреля 1898 г. (ст. ст.) инструкторы получили указание командования Приамурского округа вернуться «к местам служения»⁷⁰. В начале июня окружной штаб доложил в Петербург об их благополучном возвращении.

Что касается Путяты, то, вернувшись на родину ещё осенью 1897 г., он получил право всеподданнейшего доклада, что само по себе говорит о значении, которое его миссии придавалось в Петербурге. Подробно изложив состояние сеульских дел, Путята предложил скорректировать курс в отношении Кореи, которая, подчёркивал он, в силу своего географического положения, имела и будет иметь исключительное значение для позиции России на Дальнем Востоке. Раздел королевства на сферы влияния с Японией, по его мнению, имел смысл лишь до японо-китайской войны: «Такой делёж мог предупредить войну, а с тем вместе предупредить дальнейшее развитие японских вооружений и про-

⁶⁵ РГВИА, ф. 447 (Коллекция «Китай»), оп. 1, д. 31, л. 61 об.

⁶⁶ Там же, ф. 448, оп. 1, д. 10, л. 173 об.

⁶⁷ Там же, л. 67.

⁶⁸ *Synn Seung Kwon*. Op. cit. P. 262–263.

⁶⁹ РГВИА, ф. 447, оп. 1, д. 8, л. 50.

⁷⁰ Там же, д. 9, л. 388.

буждение сознания ими своей силы. При нынешних же условиях все выгоды от раздела окажутся на стороне японцев, утверждение которых на полуострове усилит их стратегическое положение на Востоке в ущерб нашим интересам».

В новых условиях, считал Путята, не удастся оставить Корею и в прежней роли российско-японского буфера — «нейтральной зоны, о которую взаимно разбивались интриги обоих государств», поскольку послевоенные попытки Японии утвердиться в королевстве «явились угрозой, обращённой исключительно к нам». Военный захват полуострова для России, по его мнению, бесперспективен и нецелесообразен. Мало того, что как операционный театр гористая, бездорожная и бедная Корея «нежелательна» — при гадательности политических дивидендов такой захват повлёт бы за собой огромные непроизводительные и трудновосполнимые расходы, определённо обострив и без того натянутые отношения с Японией и, вероятно, с другими великими державами.

«Отдавать» же Корею Японии целиком сугубо опасно. «Ныне, когда лишь одна сторона [Корейского] пролива находится в японских руках, наше положение не представляется безнадежным, — отмечал Путята, — но оно решительно изменится к худшему, если Японии будут принадлежать оба берега его с корейским включительно». По его мнению, оставался путь систематической «культурной» работы, направленной на укрепление влияния России на все стороны жизни суверенного Корейского королевства. «Самостоятельность и прочность государства будут служить одной из гарантий в неприкосновенности наших границ, и Корея представит заслон со стороны Японии для района Маньчжурии, где мы имеем свои интересы», — писал он царю, опровергая таким образом распространённое представление многих своих современников о том, что в нынешнем состоянии Корейское государство «неспособно к самостоятельному существованию»⁷¹, которое не так давно разделял и сам.

Центральный тезис записки Путяты гласил: «Год русского инструкторства в Корею обнаружил, что оно может быть рассматриваемо как одно из средств, укрепляющих наше влияние в этой стране, и что дальнейшее развитие его одновременно с применением других культурных способов воздействия на Корейское государство отвечает интересам обеспечения нашего военно-политического положения на Дальнем Востоке»⁷². Существо предложенного Николай II самостоятельно оценить затруднился и, отметив «обстоятельность» записки Путяты, распорядился направить её на ознакомление четырём ключевым министрам — военному, морскому, иностранных дел и финансов; самого Путяту в конце 1897 г. произвели в генерал-майоры. Дальнейшего движения его проект, однако, не получил, а вскоре интерес к Корею в глазах официального Петербурга на время вытеснили китайские дела — занятие Порт-Артура и последовавшая аренда и обустройство Квантунской области.

Иначе сложилось в самой Корею. Оказавшись перед дилеммой — создавать ли современную, боеспособную, но заведомо прорусскую армию, таким образом застраховавшись от возможного нападения Японии и сохранив собственную независимость, или, фактически не имея вооружённых сил, по-прежнему балансировать на противоречиях великих держав, в особо опасных случаях уповая на военную помощь извне, Коджон и корейское правительство отдали предпочтение второму варианту. Такой подход обрушил план русского военно-политического руководства создать из Кореи, формально независимой, но

⁷¹ См., например: ГА РФ, ф. 543, оп. 1, д. 176, л. 33.

⁷² РГВИА, ф. 448, оп. 1, д. 9, л. 353.

подконтрольной России, антияпонский «щит» с опорой на национальную армию, обученную и подготовленную русскими инструкторами. Преобразования в корейских вооружённых силах по плану Путяты вяло, но всё-таки начались (в мае 1898 г. в добавление к кадетскому корпусу в Сеуле было открыто военное училище, в начале 1900 г. образован Генеральный штаб, в 1903 г. — военно-медицинское управление), однако эти реформы не были доведены до конца.

Вскоре после отъезда «второй русской военной миссии» обучением корейских войск вопреки договорённостям Розена и Нисси вновь занялись японцы, и снова малоуспешно — для Кореи. «Если современные корейские войска, может быть, и сделали некоторые успехи в отношении чисто внешней выправки, маршировки и выполнения военных приёмов, если офицеры их научились щеголять новыми с иголки мундирами, меховыми воротниками, лакированными башмаками, аксельбантами и перчатками, то я глубоко убеждён, что в смысле военного духа, понятия о служебном долге и собственно боевой подготовке, вообще в смысле воспитания солдат, особенно в смысле военно-научного образования и способа комплектования офицеров, корейская армия не сделала со времени отозвания наших инструкторов ни одного шага вперёд», — констатировал в начале 1901 г. русский поверенный в делах в Сеуле Павлов⁷³, в недавнем прошлом морской офицер.

Осенью того же года в беседе с русским пограничным комиссаром Коджонкаялся, что «по совету дурных людей допустил отъезд из Сеула русских военных инструкторов и финансового советника». «Когда финансовое и военное дело вели русские, — сетовал корейский монарх, — то были и деньги, и хорошо обученные войска, а теперь нет ни того, ни другого». В итоге в начале 1904 г. Япония, почти не встретив сопротивления, оккупировала полуостров, а в конце 1905 г. превратила Корею в свой протекторат.

Непосредственным импульсом к появлению военно-инструкторских планов российского военно-политического руководства в отношении Китая — впервые в истории русско-китайских отношений⁷⁴ — стала нежданная лёгкость, с которой Япония разгромила его в войне 1894–1895 гг. 31 октября 1895 г. (ст. ст.) управляющий Военно-учёным комитетом Главного штаба генерал-лейтенант Ф.А. Фельдман приказал Путяте подготовить «соображения о снабжении китайских военных управлений и войск русскими инструкторами» с «расходами на счёт Китая»⁷⁵. Нemoшь последнего обнаружилась так очевидно, а японская

⁷³ Там же, ф. 400, оп. 4, д. 317, л. 41–45 об.

⁷⁴ До этого армию и флот Поднебесной обучали немецкие и британские специалисты и, как показала японо-китайская война 1894–1895 гг., безуспешно. Автор «приамурского проекта» констатировал, что «вооружённые по европейскому образцу и обученные самым сложным эволюциям батальоны китайцев на деле, в бою, оказались такой же беспорядочной ордой, как и остальные их неучёные собратья, и отсутствие в этих войсках воинского духа и дисциплины обнаруживались систематически при каждом их столкновении с правильным строем японских войск». Главную причину столь плачевного результата русские аналитики видели в том, что иностранные офицеры, приглашённые в Китай, относились к своей работе формально, как «наёмники», и безропотно подчинялись указаниям косного и отсталого цинского командования. О внешней стороне преобразований в военной сфере более всего заботилось и само китайское правительство, «обычаем» которого, по мнению военного агента в Китае и Японии полковника К.И. Вогака, было «оценивать все дела с точки зрения доходности их для лиц, власть имеющих». Приглашение зарубежных инструкторов, как выразился Путята, «лишь пришивало гнилыми нитками отдельные заплатки к прежнему, давно отжившему военному устройству» (Там же, ф. 447, оп. 1, д. 29, л. 24).

⁷⁵ Там же, л. 2.

угроза выявилась столь ярко, что идея об оказании ближайшему соседу военной поддержки витала в воздухе.

Уже в середине ноября того же года командующий войсками Приамурского военного округа направил в Главный штаб секретную записку «О необходимости командирования в Китай наших инструкторов», составленную по его собственному почину⁷⁶. Позднее свой проект преобразования китайской армии с помощью российских специалистов представил русский военный агент в Китае и Японии полковник Генерального штаба К.И. Вогак. Но на «высочайшее благовоззрение» в январе 1896 г. была направлена и императором одобрена записка Путяты на тот же счёт. Через полгода последовало указание Николая II изучить вопрос о командировании русских инструкторов и на китайский военный флот, но глава российского Военно-морского ведомства на соответствующий запрос его коллеги из Военного министерства дал отрицательное заключение.

В Петербурге рассчитывали, что Китай, несмотря на «присущую ему косность», с готовностью примет русскую помощь. «Именно теперь со стороны Китая, — докладывал военному министру в начале 1896 г. начальник Главного штаба Н.Н. Обручев, — не может последовать возражений на предлагаемый нами проект по организации его войск ввиду впечатления, произведённого неудачным исходом войны и вследствие очевидных доказательств миролюбия, проявленного нами в минувший для него кризис»⁷⁷. Подписание полгода спустя секретного русско-китайского союза ещё более укрепило эти ожидания.

Однако на деле Пекин, в отличие от Сеула, из общеполитических соображений упорно сопротивлялся как превращению России в монопольного поставщика военных советников, так и появлению на своей территории чрезмерного, на его взгляд, количества таковых. Сказалось давление как собственной военной бюрократии, так и западных великих держав. Из беседы с крупным китайским сановником Ли Хунчжаном, состоявшейся в начале 1897 г., российский поверенный в делах вынес убеждение, что «уклонение китайского правительства по инструкторскому вопросу зиждется на боязни восстановить против себя китайскую администрацию и из опасения вызвать в Пекине “целую бурю” среди представителей иностранных держав, требующих уже теперь различных вознаграждений по случаю получения Россией концессии на Маньчжурскую железную дорогу»⁷⁸, договор на строительство и эксплуатацию которой был подписан в сентябре 1896 г. В общем, реализацию и финансирование своих военно-инструкторских планов в Китае русским властям пришлось взять на себя.

Задачи России в данном случае, по сути, оставались теми же, что и в Корее — это даёт основание рассматривать оба проекта в единстве. Согласно представлению российского военного ведомства они заключались в том, чтобы с помощью своих советников и инструкторов установить контроль над вооружёнными силами соседнего государства, превратив его в защитный «вал» от японской угрозы⁷⁹. А заодно предполагалось сделать более долговременным и прочным своё политическое, экономическое и культурное присутствие на ки-

⁷⁶ Там же, л. 11–18.

⁷⁷ Там же, л. 44.

⁷⁸ Там же, л. 214 об.

⁷⁹ В российском МИД, как всегда, стремились расставить акценты по-своему. Задачи русских военных инструкторов, в изложении товарища министра В.Н. Ламздорфа, заключались в том, чтобы «устранить присутствие в этих [китайских] войсках других иностранных инструкторов» и не столько обучать китайские войска, «сколько собирать самые точные сведения об их состоянии, расположении, вооружении и всех происходящих в среде северной армии [Китая] переменах» (Там же, ф. 447, оп. 1, д. 31, л. 63–63 об.).

тайской земле — опять-таки в противовес японскому влиянию (как выразился анонимный автор «приамурского» проекта, «приглашение наших офицеров и нижних чинов в качестве инструкторов» откроет «двери Китая и учёному, и купцу, и промышленнику»).

После долгих препирательств с внешнеполитическим ведомством российское военное руководство установило, что районами, «подлежащими обороне против Японии» силами китайской армии, «долженствующей образоваться при содействии русских инструкторов», следует считать Маньчжурию и северную часть расположенной к югу от Пекина провинции Шаньдун, включая одноимённый полуостров⁸⁰ (виды на Шаньдун отпали в конце 1897 г. после аренды бухты Цзяо-чжоу Германией на 99 лет). В Маньчжурии важное предназначение подготовленных русскими инструкторами китайских войск должно было заключаться в охране линии КВЖД, строительство которой началось в августе 1897 г.

Сообразно размерам Китая здешние российские военно-инструкторские планы в сравнении с Кореей выглядели гигантскими. Согласно уже цитированному распоряжению генерала Фельдмана от октября 1895 г., в Китай планировалось направить внушительную военную делегацию в составе руководителя, инспекторов войскового, артиллерийского и инженерного управлений и «известного числа инструкторов для пехоты». «Приамурский» проект предполагал сформировать в Маньчжурии на постоянной основе учебные пехотный и кавалерийский полки и артиллерийскую батарею. План военного агента Вогака предусматривал посылку в Китай 235 русских военных инструкторов (в том числе 68 офицеров), которым на протяжении четырёх лет предстояло подготовить 40-тысячный китайский корпус «всех родов оружия». В случае войны он мог бы быть развёрнут в 120-тысячную армию, призванную защитить подступы к столице империи со стороны моря в Маньчжурии, а также в провинциях Чжили и Шаньдун. Общие траты китайской казны только на первый год проведения военной реформы в таком формате Вогак оценивал в 885–910 тыс. руб.⁸¹

В «высочайше» одобренный проект Путяты были заложены чуть более скромные, чем у Вогака, показатели: 232 русским инструкторам (включая 68 офицеров) при условии их полной независимости от туземного командования следовало подготовить китайские пехотные, кавалерийские, артиллерийские и инженерные части, а также обучить штабы. Рассуждая о заключённых в таком проекте рисках для безопасности России и тем самым как бы заранее отвечая будущим оппонентам из МИД, Путята в своём упомянутом «высочайше» утверждённом проекте писал: «Если командование лучшей частью вооружённых сил Серединного царства при удержании в известных границах их роста будет принадлежать в течение нескольких лет русским офицерам, то, вероятно, нам мало-помалу удастся взять в свои руки влияние на всё военное дело страны. Путём соответственного воспитания и обучения китайских солдат можно обратить их в людей послушных и преданных своим русским начальникам, и китайское правительство в будущем может быть поставлено в невозможность обходиться без услуг русских офицеров. Независимо сего устройство нами армии в Китае доставит весьма важные политические выгоды в смысле создания противовеса усиливающемуся могуществу Японии на востоке, вытеснения из военных сфер Китая вредного для нас иностранного влияния и упрочения нашего собственного влияния внутри страны»⁸².

⁸⁰ Там же, д. 29, л. 242.

⁸¹ Там же, л. 125–139 об.

⁸² Там же, л. 24 об.

Аргументы Путяты были услышаны и подействовали. Получив критический отзыв на его проект от министра иностранных дел кн. А.Б. Лобанова-Ростовского, начальник Главного штаба в поддержку Путяты писал: «При современных политических обстоятельствах усиление в известных пределах Китая столько же нам полезно, как и принятие мер по развитию вооружённых сил на наших сибирских окраинах... Полная независимость и самостоятельность в деле обучения, воспитания и довольствия китайских войск, требуемые проектом, предоставляют нам возможность провести военные реформы в Китае с таким расчётом, чтобы с удалением русских инструкторов созданный ими боевой материал не мог оказаться полезным орудием в руках китайцев или инструкторов враждебного лагеря»⁸³. Главный штаб, а вслед за ним и военный министр отвергли также предложение Лобанова-Ростовского на первое время ограничиться отправкой в Китай лишь нескольких военных специалистов, а в переговорах с Пекином не настаивать на своей военно-инструкторской монополии. Однако дальнейшие события развивались именно по сценарию, который предвидели и отстаивали дипломаты.

Консультации с китайскими властями по военно-инструкторскому вопросу начались уже в январе 1896 г., и их ход первоначально внушил российскому посланнику графу Кассини сдержанный оптимизм. Однако шёл месяц за месяцем, китайская сторона медлила с внятным ответом, и Николай II стал терять терпение. Осенью 1896 г. к делу подключили опытного и энергичного Вогака, упомянутый проект которого преемник Кассини Павлов 24 ноября 1896 г. направил в пекинский Совет министров «по управлению отношениями с иностранными государствами» (*цзунлиямынь*). Китайские сановники заверили российских дипломатов, что «Китай ни на один день не осмеливается забыть мысль об отмщении [Японии]» и потому «с удовольствием принял бы бескорыстную и искреннюю помощь почтенного государства»⁸⁴, однако, «ссылаясь на финансовые и административные затруднения, просили отложить»⁸⁵ свой ответ на неопределённый срок, что было равносильно отказу.

Похоже, «Китай вовсе не думает о серьёзных реформах», – разочарованно заметил Вогак в одной из своих телеграмм в Петербург⁸⁶. В такой ситуации дипломатическое ведомство предложило военным прекратить настаивать на «первоначальных предложениях наших» и в дальнейших переговорах с Пекином вернуться к схеме Лобанова-Ростовского – о посылке в Китай лишь нескольких военных специалистов. Но это дело теперь тоже не казалось перспективным (к тому же в китайской прессе замелькали сообщения о скором приезде в Пекин очередной группы германских военных инструкторов), пока к приамурскому генерал-губернатору не обратился один из китайских генералов с просьбой командировать для обучения его кавалерии офицера и урядника⁸⁷. Этой частной просьбой и решено было воспользоваться, чтобы, как выразился министр иностранных дел с подачи Павлова, путём примера «убеждать правительство богдохана в пригодности наших учителей военного дела»⁸⁸. Царь согласился и на это.

⁸³ Там же, л. 43 об.

⁸⁴ Цит. по: *Симанский П.Н.* Указ. соч. С. 145.

⁸⁵ РГВИА, ф. 447, оп. 1, д. 29, л. 20 об.

⁸⁶ Там же, л. 108.

⁸⁷ Там же, л. 105.

⁸⁸ Там же, л. 198–199.

Исполнение китайского запроса сначала (в марте 1897 г.) было временно возложено на кавалергарда кн. А.М. Волконского, который, будучи в Китае, недолго преподавал в кавалерийской школе в Тяньцзине, а затем передано 35-летнему полковнику лейб-гвардии Гусарского полка П.П. Воронову. В конце августа 1897 г. гусар получил секретное предписание начальника Главного штаба состоять советником при генерале Не Шичэне, командире армейского соединения в провинции Хэнань, «для руководства обучением китайских войск», однако с прямым подчинением отнюдь не туземному командованию, а российскому поверенному в делах в Пекине. Командировался Воронов за счёт российской стороны (казённые расходы в этой связи превышали 15 тыс. руб.), свои донесения ему надлежало направлять в Главный штаб и командующему войсками Приамурского военного округа⁸⁹. На практике с его рапортами из Китая регулярно знакомился и сам император. Командировка была рассчитана до лета 1900 г. с возможным последующим продлением. В августе полковника представили Николаю II, и в сентябре 1897 г. супруги Вороновы в сопровождении переводчика и вахмистров Запорожца и Артамонова отплыли из Одессы на Дальний Восток. Их путь до китайской столицы занял почти четыре месяца.

Вопреки надеждам верховного российского командования, китайские военные власти сразу направили Воронова с помощниками в кавалерийскую школу города Кайпина на юге Китая. Одновременно они постарались пресечь его демонстративную независимость от местного генералитета («возбуждение им вопросов о старшинстве») и, как выразился новый военный министр А.Н. Куропаткин, стремление «стать самому начальником китайских войск»⁹⁰. Ничем закончились и переговоры с китайскими властями об отозвании из Китая инструкторов других государств и замене их на постоянной основе русскими, продолженные главой российской дипломатической миссии в Пекине. В направленной ему 29 января 1898 г. реляции *цзунлиямыня* подчёркивалось, что генерал Не Шичэн нуждается не в военном советнике, а в инструкторе кавалерии; удалять военных инструкторов других стран китайское правительство не намерено; «права равенства полковника Воронова и генерала Не невозможны»⁹¹.

И хотя впоследствии, ознакомившись с результатами работы русских кавалерийских наставников в Кайпинской школе, тот же китайский генерал отметил установленный ими «образцовый порядок»⁹² и ходатайствовал об их награждении, развернуться шире Воронову и его вахмистрам китайцы упорно не давали. В такой ситуации о направлении в Китай нескольких сот русских военных советников, о которых говорилось в проектах Путяты и Вогака, речи уже быть не могло. В общем, к началу 1898 г. масштабный русский военно-инструкторский проект в Китае, фактически, умер, не успев родиться.

Признав препятствия, созданные китайскими властями, для развития русского военного инструкторства в Поднебесной «непреодолимыми», русское военное руководство стало уповать на другие способы упрочения своего положения в Китае. «Подчинение Маньчжурии нашему влиянию и провод русских культурных начал в Северном Китае, — писал летом 1899 г. Куропаткин, — нельзя достичь одним инструкторством»; «занятие нами Квантунского полуострова

⁸⁹ Там же, д. 31, л. 29.

⁹⁰ Там же, л. 69.

⁹¹ Там же, л. 78.

⁹² Там же, л. 95.

и спрямление железной дороги через Маньчжурию являются для достижения подобных целей средствами, несомненно более могущественными, чем инструкторство»⁹³. Вместе с тем надежды на желательный для русской стороны размах миссии Воронова в Петербурге, похоже, ещё теплились, и в мае 1900 г. царь по докладу того же Куропаткина продлил пребывание его группы в Китае до августа 1903 г.

Однако вспыхнувшее вскоре восстание *ихэтуаней* обрушило все планы. В конце мая, получив известие о начале массовых антиевропейских выступлений «боксёров», Воронов с женой и вахмистрами спешно выехали в Тяньцзинь (и сделали это вовремя – их дома были тут же сожжены, а имущество разграблено; сам Воронов понесённый им ущерб оценивал в 35–40 тыс. руб.), а оттуда в Порт-Артур. В конце июня 1900 г. дальнейшее пребывание русских кавалерийских инструкторов в Поднебесной военный министр, а вслед за ним и Николай II признали «неуместным». Воронов со товарищи был прикомандирован к русскому экспедиционному отряду в Китае с тем, чтобы «по прекращении настоящих обстоятельств» быть отозванным на родину⁹⁴, что и произошло в феврале 1901 г. После длительного лечения за границей он был назначен командиром Приморского 21-го драгунского полка, во главе которого принял участие в Русско-японской войне.

Таким образом, в середине – второй половине 1890-х гг. в связи с резким усилением Японии по итогам её войны с Китаем 1894–1895 гг. в недрах российского военного ведомства родился масштабный план, нацеленный на укрепление влияния России в сопредельных странах Дальнего Востока. Этот секретный проект, получивший и «высочайшее» одобрение, фактически должен был решить задачу стратегической важности – мирно «завоевать» Корею и Китай путём отправки туда больших групп своих военных инструкторов, призванных усовершенствовать и осовременить туземные вооружённые силы, а главное – со временем создать из них защиту от ожидавшейся японской экспансии на континент, включая русское Приморье. В первом (корейском) случае русское командование надеялось обратить в такой защитный «вал» весь Корейский полуостров, во втором (китайском) – провести его по южной границе Маньчжурии. Этот замысел имел шансы на успешную реализацию, поскольку в целом соответствовал текущим национальным интересам Кореи и Китая, которые находились в упадке, усугублённом проигранной недавно войной.

Свой военно-инструкторский проект русскому командованию удалось лишь отчасти осуществить в 1896–1898 гг. в Корее, в Китае он фактически провалился. Причины заключались в упорном противодействии со стороны Японии и других великих держав, в недалёковидности и эгоистических устремлениях национальных (корейских и китайских) властей, наконец, в межведомственной разобщённости, характерной для российской дальневосточной политики тех лет, – сопротивлении российского МИД, озабоченного перспективой обострения отношений с Японией, отягощённом непоследовательностью Николая II как верховного «куратора» проекта. Между тем позволительно допустить, что его реализация в изначально задуманном объёме имела шансы сильно затруднить, а может быть, и вовсе предотвратить последовавшее установление японского протектората над Кореей и экспансию Японии в Поднебесной, включая превращение Маньчжурии в 1920-е гг. в «первую линию японской обороны»⁹⁵.

⁹³ Цит. по: Симанский П.Н. Указ. соч. С. 155.

⁹⁴ РГВИА, ф. 447, оп. 1, д. 31, л. 127.

⁹⁵ Цит. по: Yakhontov V.A. Op. cit. P. 252.